

Глава 10

Сун Линчу пришёл в ярость и вбил в чат ряд эмодзи «убью тебя». Но, не отправив, он стёр их и заменил на цепочку жалобных человечков.

Увидев десятки жалобных и убитых горем «QAQ» в чате, уголки губ Тан Юэ невольно приподнялись в лёгкой, почти неуловимой улыбке. Он открыл App Store и скачал приложение Little Apple TV.

И именно в этот момент в больничную палату вошёл Тан Минцин.

На миг ему показалось, что он ошибся.

Хотя Тан Юэ и не был особенно близок с Тан Минцином и общались они крайне редко, каждый раз, когда Тан Минцин видел этого дядю, тот неизменно выглядел холодным и отстранённым. В его памяти Тан Юэ никогда не улыбался.

Оказывается, он тоже умеет улыбаться.

Сердце Тан Минцина, сжатое напряжением, немного оттаяло.

Как глава семьи Тан, Тан Юэ стоял на вершине власти — и вызывал страх у всех, включая Тан Минцина. Каждый раз при встрече с ним тот чувствовал себя не в своей тарелке.

— Дядя, — произнёс Тан Минцин, выпрямившись и подобрившись.

Улыбка Тан Юэ исчезла, будто мыльный пузырь, и голос его вновь стал холодным, как обычно:

— Разве я не сказал, что не нужно навещать меня?

Тан Юэ не любил шума, и на время восстановления он специально поручил дворецкому предупредить всех, чтобы никто не приходил.

Зная его характер, никто не осмеливался ослушаться или, чего доброго, попытаться нарушить его покой.

На самом деле в словах Тан Юэ не было ни укора, ни раздражения, но у Тан Минцина всё внутри похолодело — казалось, даже кожа на голове зашевелилась.

Он поспешно заговорил:

— Нет-нет, я просто сопровождал дядю на обследование и узнал, что вы тоже здесь, вот и решил заглянуть.

Правда была в том, что Тан Минцину самому вовсе не хотелось приходить. Но его дядя сказал прямо: если он хочет добиться успеха, ему в любом случае придётся рассчитывать на помощь этого влиятельного младшего дяди. Такой шанс выпадает нечасто — надо показаться, напомнить о себе. Иначе, как дальнего родственника, с которым почти нет связи, его просто забудут.

Поэтому Тан Минцину пришлось прийти, несмотря на нежелание.

А теперь, услышав холодные слова Тан Юэ, он почувствовал себя неловко: и уходить неудобно, и оставаться не хочется.

— Ну, садись, — сказал Тан Юэ, отложив телефон в сторону.

Тан Минцин облегчённо вздохнул, быстро поставил на стол фрукты и цветы, что принёс с собой, и сел на стоящий рядом диван.

В комнату вошёл Чэн Бинь и налил ему стакан воды:

— Маленький Тан, выпей водички.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Как преемник своего дяди, Тан Минцин считался заметной фигурой среди так называемого «золотого поколения» — детей из богатых семей. Однако в присутствии Тан Юэ даже его помощнику приходилось выказывать высшую степень почтения.

Тан Юэ подтянул плед на ногах и спросил:

— Как себя чувствует твой дядя?

— Не очень хорошо, — с облегчением отозвался Тан Минцин, радуясь смене темы, и честно добавил: — Врач сказал, что он слишком переутомился, из-за чего здоровье ещё сильнее пошатнулось.

— Переутомился? — приподнял бровь Тан Юэ.

— Да, всё из-за дел по компании. Хотя он и нанял генерального директора, всё равно настаивает, чтобы ключевые решения принимались только им.

Тан Юэ бросил на него взгляд:

— А ты?

— Я?.. — Тан Минцин явно не ожидал вопроса. Он замешкался, потом неловко усмехнулся:

— Маленький дядя, вы что, забыли? Я ведь ещё учусь, сейчас на третьем курсе.

— Да, ты ещё в университете. Но разве это мешает тебе помогать компании?

— Но... я... — Тан Минцин замялся. — Я не справлюсь. У меня каждый день занятия, домашние задания...

Голос его постепенно затих. Ведь Тан Юэ в свои студенческие годы не просто получал двойное образование, но и вместе с однокурсниками основал компанию, которая теперь стоит триллионы.

Тан Юэ холодно произнёс:

— Вместо того чтобы надеяться на других, полагайся на себя. Не будешь работать — никто и не поможет.

С этими словами он с раздражением швырнул в корзину для бумаг очередное предложение, которым остался недоволен. Бумага с сухим «шлёп» приземлилась в урну, заставив и без того напряжённого Тан Минцина вздрогнуть.

В панике он торопливо закивал:

— Д-да, я понял.

Взгляд Тан Юэ уже вернулся к документам на столе, и он безразлично бросил:

— Иди.

Для Тан Минцина это прозвучало как помилование. Он пулей вылетел из палаты.

Оказавшись за дверью, он почувствовал, как по спине стекает холодный пот — всё его тело покрылось испариной.

Маленький дядя был и вправду страшен.

Только в лифте Тан Минцин наконец почувствовал, что снова может дышать. Он достал телефон и увидел несколько сообщений от Су Чжань — тот спрашивал, когда тот собирается приехать.

Су Чжань участвовал в университетском вокальном конкурсе. Тан Минцин посмотрел на время и написал, что, скорее всего, будет к семи вечера.

Увидев это, Су Чжань немного надулся — он явно был не в восторге от такого ответа.

Су Чжань хотел, чтобы Тан Минцин пришёл на репетицию к пяти часам — специально, чтобы демонстративно поприсесть к нему прямо перед Сун Линчу, испортить тому настроение и выбить из колеи, чтобы тот с треском провалился на конкурсе.

Впрочем, даже без всяких манипуляций, по мнению Су Чжаня, Сун Линчу всё равно не прошёл бы дальше — так что особой разницы не было.

Сон Линчу, конечно, и не догадывался, что в глазах Су Чжаня его участие уже приравнивали к поражению. Он сидел в библиотеке с книгой, когда заметил, что уже пять часов. В этот момент Чжоу Кэсинь позвала всех на репетицию, и он направился в актёрский зал.

Когда он пришёл, сцена уже была готова. Раньше он не придавал конкурсу большого значения, но, увидев всё своими глазами, был искренне удивлён масштабом и серьёзностью подготовки. Сцену украсили богато, а цветовое освещение ничем не уступало торжественным выступлениям на фестивалях искусств или церемониях открытия учебного года.

Судьями конкурса стали профессора и преподаватели из факультета искусств, а на первых рядах даже выделили места для руководства университета. Было очевидно, что это не какой-то любительский конкурс.

Сначала Сун Линчу только притворялся, что нервничает — в основном, чтобы подразнить Тан Юэ. Но теперь, увидев всю эту официальность и масштаб, он и вправду немного занервничал.

Чжоу Кэсинь раздавала участникам номерки, которые нужно было прикрепить к одежде. Когда она вручила один Сон Линчу, не смогла удержаться и воскликнула:

— Вау, Сун Линчу, ты сегодня просто сногшибательный!

Из-за жары за кулисами он снял свой пуховик и остался в конкурсной одежде: белая рубашка, повседневные брюки и серый пиджак в свободном, но элегантном стиле.

Сун Линчу улыбнулся и пошутил:

— А за красоту баллы за пение добавляют?

Чжоу Кэсинь не успела ответить, как девушка рядом с ним прикрыла рот и хихикнула:

— Если бы за красоту давали баллы, ты был бы первым, а нам тогда что делать?

— Вот именно, хоть обычным смертным дайте шанс, — подхватил кто-то из группы.

— Сенпай, красотой жульничать нельзя, — добавил другой голос.

Шутки и смех разрядили напряжённую атмосферу, сделали её лёгкой и дружелюбной. Но Су Чжань при этом только усмехнулся с презрением.

В семь часов вечера конкурс официально начался.

Несмотря на внушительный масштаб мероприятия, это всё же был университетский конкурс талантов. Некоторые выступления звучали неплохо, но ни одно не поразило по-настоящему.

Послушав нескольких участников, Сун Линчу почувствовал облегчение — он составил для себя примерное представление об уровне остальных и немного успокоился.

Когда на сцену вышел двадцать пятый участник, Сун Линчу достал телефон и написал Тан Юэ:

Маленький Сунлин: [Гэгэ!]

Маленький Сунлин: [(твой пупс внезапно появился.gif)]

Видимо, вечером у Тан Юэ было больше свободного времени — он ответил довольно быстро:

Тан Юэ: [.]

От такого сухого ответа Сун Линчу чуть не поперхнулся — он едва не захлебнулся собственной кровью от возмущения.

Почему у этого раздражающего парня даже руки такие бесчувственные — каждое сообщение холодное, как лёд!

Маленький Сунлин: [Уже почти моя очередь выступать. Ты скачал приложение?]

Тан Юэ: [Нет.]

Я так и знал!

Маленький Сунлин: [QAQ Ну пожаааалуйста, скачай! Оно почти не занимает памяти, без вирусов и точно не украдёт никакие бизнес-секреты с твоего телефона.]

Маленький Лесочек: [(смущённый) Все сегодня сказали, что я выгляжу очень красиво. Неужели тебе не хочется увидеть, гэгэ?]

Сун Линчу помедлил, прежде чем отправить последнее сообщение. Его прямо затопила волна стеснения.

Если Тан Юэ ответит, что не хочет видеть, он больше никогда не станет лезть к этому псине в человеческом обличье!

К счастью, Тан Юэ ответил не так.

Чуть больше минуты спустя он прислал фотографию. На скрине был домашний экран телефона с установленным приложением — значок Little Apple TV.

Сун Линчу с облегчением выдохнул.

Флиртовать с этим прямолинейным пёсом — просто пытка!

Выйдя из чата с Тан Юэ, Сун Линчу заметил, что в группе WeChat под названием «604: Чисто и Гигиенично» уже накопилось 99 сообщений. Несмотря на то что они все находились буквально рядом друг с другом, переписка кипела вовсю.

Хэ Циуэнь: [Чёрт побери! Я только что пошёл в туалет — угадайте, кого встретил?]

Ли Чан: [*Садако? Ни Сяоцянь?]

*Садако и Ни Сяоцянь — известные персонажи из азиатских фильмов ужасов. Садако — главный дух в японском хорроре «Звонок», а Ни Сяоцянь — героиня китайского фольклора, призрак-девушка из «Легенды о Ни Сяоцянь», которую неоднократно экранизировали.

Хэ Циуэнь: [Да пошёл ты! Я увидел этого внука Тан Минцина!]

Гао Юань: [? Плохая примета!]

Ли Чан: [Он чего тут забыл? Неужели снова к Лин Лину явился?]

Хэ Циуэнь: [Вот же чёрт! До сих пор не угомонился с прошлыми чувствами?]

Ли Чан: [Пусть катится! Если он снова к Лин Лину начнёт липнуть — я так его отпинаю, что мать родная не узнает!]

Сун Линчу: «...»

Сун Линчу: [Он пришёл к Су Чжаню.]

Хэ Циуэнь: [Блин! Су Чжань тоже здесь?!]

Сун Линчу: [Ага. Он следующий.]

Гао Янь: [То есть выступает прямо перед тобой? Чёрт! Надо, чтобы он жёстко облажался.]

Ли Чан: [Я до сих пор помню, как он тогда фальшивил — до слёз! Посмотрим, как Тан Минцин пожалеет, что пришёл.]

Гао Янь: [(внезапное возбуждение.jpg)]

Сун Линчу: [Не факт.]

Едва Сун Линчу отправил сообщение, как с авансены прозвучал голос ведущей:

— Следующий участник — Су Чжань, пожалуйста, поднимайтесь на сцену.

Свет в зале приглушился, и Су Чжань, одетый в ярко-красную куртку, вышел на сцену лёгкой и уверенной походкой, прикрывая лицо веером.

Три участника чата одновременно воскликнули:

[Что за чертовщина?!]

Поначалу зрители в зале ничего странного не заметили — всё-таки Су Чжань был не единственным, кто в этот день вышел в традиционном наряде. Но когда прекратилось вступление, и он начал петь первую строчку, зал взорвался аплодисментами.

Надо признать — у Су Чжана действительно были кое-какие таланты. Даже если не брать в расчёт его вокальные данные, одного лишь появления в женском образе было достаточно, чтобы взбудоражить публику и поднять атмосферу вечера до пика.

Когда песня закончилась, буря аплодисментов не утихла ещё долго.

Су Чжань поклонился залу, вернулся за кулисы и, увидев Сун Линчу, ждавшего у двери, бросил ему самодовольный взгляд.

— Жемчуг и яшма впереди, щебень позади, — прошептал Су Чжань, проходя мимо Сун Линчу.
— Удачи тебе, мой дорогой щебень.

Он ухмыльнулся и, покачивая плечами, удалился.

Сун Линчу отлично понимал, что тот специально пытается сбить его с настроения. Но, пройдя через множество конкурсов — от районных до масштабных, — он уже выработал менталитет старого боевого пса: никакими такими мелкими подколами его не проймёшь.

Поскольку жюри выставляло баллы не сразу, то после выступления одного участника ведущая объявляла результат предыдущего. Так что оценку Су Чжана должны были огласить только после номера Сун Линчу.

Но Сун Линчу это волновало меньше всего. Он поправил одежду, выпрямил спину и уверенно вышел на сцену, когда ведущая произнесла его имя.

Зрители в зале сначала даже решили, что ослышались.

Но стоило им увидеть, как Сун Линчу поднимается на сцену — по залу прокатилась такая волна криков, что легко могла бы снести потолок. Реакция была куда бурнее, чем даже на выступлении Су Чжана.

Тан Юэ на самом деле зашёл в трансляцию ещё когда Су Чжань был примерно на середине своего выступления, но, увидев на экране лицо, не поймёшь — мужское оно или женское, сразу же вышел.

Вернулся он только тогда, когда на сцене появился Сун Линчу.

Но едва он открыл окно трансляции, как экран полностью накрыла лавина комментариев, всплывающих поверх изображения.

[А-а-а, это и правда Сун Линчу!]

[Я сейчас задохнусь! Он сегодня такой красавчик!]

[Брат Сун, я хочу родить от тебя! Причём сразу десять тысяч детей!]

[Родные, я плачу... Услышать, как поёт Сун Линчу — уже можно умирать спокойно!]

Брови Тан Юэ чуть заметно приподнялись:

Похоже, у него действительно немалая популярность.

К тому же...

Эти комментарии — почему они такие знакомые?

Неужели Линчу и правда учился флиртовать у онлайн-зрителей?

Он задумчиво всмотрелся в поток сообщений, затем отключил функцию комментариев и, наконец, увидел лицо Сун Линчу.

В этот момент он ненадолго замер.

Неудивительно, что зрители пришли в восторг — сегодняшний Сун Линчу и вправду был ослепительно хорош собой.

Стоя под ярким светом прожекторов, он был словно самая яркая звезда на ночном небосводе, приковывая к себе все взгляды.

Вскоре вступление закончилось, и Сун Линчу начал петь.

Он выбрал песню на английском — мелодичную, тягучую, наполненную тихой грустью. Это звучание резко контрастировало с прежней бурной атмосферой в зале.

Но голос Сун Линчу обладал какой-то особой магией, способной проникать прямо в душу. Под напев его грустной и полусказочной мелодии зал постепенно стих.

Публика, казалось, замерла — все были полностью погружены в его пение.

Когда камера плавно прошлась по столу жюри, можно было заметить, как некоторые особенно чувствительные судьи закрыли глаза и даже тихо подпевают в унисон, полностью поглощённые атмосферой песни.

Когда Сун Линчу закончил один из куплетов и зазвучал музыкальный проигрыш, оператор дал крупный план его лица.

На экране появилось юное лицо — ясное, красивое, словно отполированное светом софитов.

Он заметил камеру... и с лёгкой улыбкой посмотрел прямо в объектив.

Эта улыбка была чистой, как весенняя капель, и светлой, как утреннее небо.

Для Тан Юэ она прозвучала громче любой симфонии, словно что-то внутри с тихим щелчком открылось.

Ему показалось, будто по нервам прошёл разряд, а сердце дрогнуло, как от ледяного ветра в январе. Но это не холод — наоборот.

Это была весна.

Тёплый, мягкий ветер, растапливающий лёд, слежавшийся за долгие годы.

И тут, нарушив звенящую тишину зала, вдруг раздался взрыв аплодисментов и криков.

На сцену, сияя от радости, вышел парень с огромным букетом алых роз.

Он уверенно подошёл к Сун Линчу и протянул ему цветы.

Сун Линчу, вероятно, и сам не ожидал, что на этом конкурсе кто-то решится подарить ему цветы. Он на миг опешил, но всё же сдержанно улыбнулся, принял букет с изяществом и поблагодарил парня.

Тот был явно на седьмом небе от счастья — глаза блестели, дыхание сбилось, и, оказавшись слишком близко к микрофону, произнёс свою признательность на весь зал, громко и отчётливо:

— Старший Сун, ты мне правда очень нравишься!

Сун Линчу не успел даже толком отреагировать, как парень бросился ему на шею и крепко обнял его.

Тан Юэ: ?

<http://bllate.org/book/14439/1276768>